

**ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОЛИМПИАДЫ ПО ЛИТЕРАТУРЕ
2021-2022 УЧ. ГОД**

10 КЛАСС

Участникам олимпиады предлагается выполнить два задания: аналитическое – целостный анализ предложенного текста по вспомогательным вопросам (время выполнения 3,5 астрономических часа (210 мин.), максимальный балл – 70) и творческое задание (время выполнения – 1,5 астрономических часа (90 мин.), максимальный балл – 30). Внутри общего времени (5 астрономических часов (300 мин.)) ученик распределяет количество времени для работы над аналитическим и творческим заданием сам. Максимальный общий балл за работу – 100 баллов.

ЗАДАНИЕ 1. Напишите целостный анализ рассказа Елены Долгопят «Рождественский рассказ». Вы можете опираться на вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой связный, завершённый текст. Опорные вопросы:

1. Какую роль играет фантастическое в рассказе?
2. Какую роль в жизни героя сыграло путешествие?
3. Почему в рассказе так подробно описывается мир вокруг героя?
4. Как Вы понимаете название рассказа?

Максимальное количество баллов – 70.

Рождественский рассказ

Без четверти час Алексей Степанович поднялся со скамейки и отправился к эскалатору. Ему казалось, что он невидим. Люди обнаруживали его только при столкновении.

– Простите.

– Ничего.

Метро к Новому году не украшают, не развешивают серебряные гирлянды и стеклянные шары, не пахнет в метро снегом и мороженым, оттаявшими елками, воском, праздником. Метро – суровое место. Грохочут поезда, сквозняки раскачивают люстры на тяжелых цепях... Говорят, раньше в метро были буфеты с шампанским и черным шоколадом, но не прижились. Эскалатор вынес Алексея Степановича из-под земли. На улице было черно от тающего снега, ветрено. Алексей Степанович поднял воротник старого драпового пальто и побежал через скользкую дорогу в подворотню. В стене была железная дверь. Он взялся за ручку.

Дрожащий Алексей Степанович очутился в теплых потемках и перевел дух. Уже не спеша он поднялся на пять ступенек, отворил вторую дверь и очутился в светлом маленьком вестибюле. Вахтер за столом читал газету и курил. Сизый дым поднимался.

– Добрый день, – сказал Алексей Степанович.

– Добрый день, – откликнулся вахтер и стряхнул пепел в жестянку из-под кофе. – В гости к нам?

– Да вот.

На столе у вахтера стоял не виданный Алексеем Степановичем приемник. Большой, деревянный, со стеклянной шкалой, за которой мерцал зеленый свет. Вахтер повернул черную ручку, и приемник тихо заговорил. Алексей Степанович вызвал лифт и сказал:

– Какой у вас приемник.

– Не видал такой?

– Нет.

– Мало жил.

Не так уж и мало, – подумал Алексей Степанович, глядя на себя в зеркальную стену лифта, – с другой стороны – все еще впереди.

Алексей Степанович вздохнул, опустил воротник и расстегнул тяжелое пальто. Снял кепку. Лифт встал.

На дерматиновых дверях была надпись: "Посторонним вход воспрещен". Алексей Степанович отворил двери и вошел в темный узкий коридор. Пахло ванильными булочками. За столом у стены несколько человек пили кофе.

– Лешенька! – воскликнула немолодая маленькая женщина. – У нас сливки есть сегодня. Садись.

Алексей Степанович снял пальто и перекинул через спинку свободного стула. Озябшими руками он взял горячую чашку. Он ничего не говорил, его ни о чем не спрашивали. И опять он представлял себя невидимкой, слушающим не касающиеся его разговоры.

Говорили примерно вот что: ну вот и закончился год, и завтра будем уже встречать новый, надо приготовить что-нибудь необычное, салат из курицы с грибами. На работу выходить десятого. Десять свободных дней – это прекрасно, можно поехать на дачу и жить там, топить печь, ходить на лыжах. Звонил где-то телефон. Время шло. Из-за стола вставали и уходили. За столом остались Алексей Степанович и немолодая женщина. Алексей Степанович встретился с ней глазами.

– Как твои дела, Лешенька?

– Ничего.

– Нашел что-нибудь?

– Ничего.

– А искал?

– У вас как дела, Надежда Васильевна?

– Ничего. Петька четверть с двумя тройками кончает. Зрение у меня все хуже. Говорят, скоро еще сокращение будет. Теперь я – первый кандидат... Знаешь, Лешенька, – сказала она вдруг совсем тихо, и Алексей Степанович поднял глаза.

– ... Мы ведь с тобой последний раз видимся в этом году. И потому давай выпьем за новый, хотя бы кофе выпьем. Я тебе скажу пожелание. Чтобы ты нашел себе хорошую работу, а для этого надо ее искать, надо, Лешенька, что же делать, надо ходить, думать, действовать. Скажи по чести, ты хоть куда-нибудь обращался за этот месяц?

Дома не знали, что Алексея Степановича сократили. Он вставал, как обычно, в пять тридцать. Он любил вставать, когда все в доме еще спят, даже в выходные дни. Ополоснув ледяной водой лицо, ставил чайник. Варил геркулес в маленькой кастрюле. В шесть пятнадцать включал радио, подводил часы. Радио будило мать и сына, пятилетнего Ванюшку. Они шли сонные к нему на кухню. Он заваривал пузатый чайник, ставил каждому чашку. Кашу они не ели в такую рань, а чай свежий за компанию с ним выпивали. Ванюша с молоком, а мать так, без сахара, разлюбила к старости сладкое. Когда Алексей Степанович уходил, они глядели ему вслед в окошко. Он оборачивался и махал им рукой. Зима была сумрачная. Алексей Степанович заходил в магазины, в большие магазины, теплые. Заглядывал в витрины. Когда уставал, спускался под землю и там сидел до без четверти час, подобрав длинные ноги. Ему бы просидеть так лет пять и выйти, когда все уже о нем позабудут. Он был никто, нигде не значился, он был свободен.

Он сидел и упорно думал о себе. Был он уже не молод, но еще не стар. Он мог еще выучиться какой-нибудь профессии, например водить машину, как мечтал когда-то школьником в Чите. Ванюшке бы это понравилось. А мог бы выучить немецкий язык и переводить с немецкого страшные готические романы. Мать была бы первая читательница. Можно даже поступить в институт и стать студентом, а по вечерам грузить на Москве-сортировочной вагоны. Кто я? что я могу? – Алексей Степанович кусал губы. – Я даже плавать не умею, только ходить. Я не знаю нотной грамоты, я не могу ответить сыну, как устроен мир. Горькие были мысли, невозможно было выйти из их круга. Сынок рисует, а мне запах краски нравится, мне бы попробовать тоже рисовать...

В обеденный перерыв он приходил на свою прежнюю работу. Пил с прежними товарищами кофе. Они расспрашивали, как дела, давали советы, телефоны знакомых, глядели сочувственно, виновато, отстраненно и – осуждающе. Он должен был уже что-нибудь предпринять. Расходились по рабочим местам. Он сидел еще некоторое время в темном коридоре. Вставал, мыл посуду, стряхивал крошки с клеенки, одевался, уходил, мотался по Москве до шестичасовой электрички. Он купил за чем-то апельсины. Матери – четыре мотка шерсти на жилет; гуашь и альбом для рисования Ванюшке и машину на резиновом ходу. Народ был кругом праздничный, бойкий. Не видимый никому Алексей Степанович вышел на площадь Ярославского вокзала. Зимние дни коротки, пришла уже ночь. В темноте было плохо видно, и Алексей Степанович подошел к таблице вплотную. Про его электричку не было сообщения. Он протиснулся к доске объявлений. Ничего не разглядел, и тут сказали по громкоговорителю, что его электричка отменяется.

Алексей Степанович побрел с двумя сумками вдоль платформ. На последней готовился к отправлению скорый поезд. Горели в вагонах желтые огни, из печей шел дым. Падал мокрый тяжелый снег, и Алексей Степанович спрятался под навес на платформе. Вагоны поезда были чистые, синие, окна – с белыми занавесками. Фирменный поезд. "Москва – Чита". У Алексея Степановича заныло сердце. До следующей электрички был час. Ноги дрожали от усталости, руки с сумками ооченели. Проводницы не было у открытых дверей. И Алексей Степанович, оглянувшись, вошел в вагон. Купе проводников было заперто. От титана шел жар. В коридоре лежала чистая узкая дорожка. Алексей Степанович отряхнул ноги и пошел по ней.

Он вошел в последнее купе и сел на мягкое сиденье у окна. Сумки поставил рядышком. В вагоне было так тепло, так тихо, что самому не хотелось шевелиться. В вазочке на столе стояла хвойная ветка. Из коридора слышались голоса, грохот поклажи – начали входить пассажиры. Как будто Алексей Степанович сидел в потайной пещере. Время шло, а он все был один. Ободрелся. Даже снял кепку и положил на колени, то есть –

пошевелился. В окно он видел темную платформу, свет фонарей, подвижные тени людей. Хорошо быть пассажиром. Стучат колеса, катит поезд, земля летит, а ты закрываешь глаза. Чьи-то шаги приближались. Алексей Степанович замер. Полуоткрытая дверь откатилась, и в купе вошел большой, в куртке нараспашку, человек. Он был похож на летчика-героя из старого фильма. Поздоровался, поставил сумку на сиденье у стены, скинул куртку, достал из кармана джинсов белый платок и вытер лицо. Он сел напротив Алексея Степановича, расставив ноги, и – как будто задумался. Дышал он шумно, как после бега. Одет был удобно, чисто, выбрит – гладко и еле слышно пах хорошим одеколоном.

– Далеко вы едете? – спросил он вдруг Алексея Степановича.

– Да, – сказал Алексей Степанович.

– Шампанское любите?

– Не особенно.

– Ну вот здравствуйте! Как же Новый год без шампанского? Вы не болтливы, кажется?

– Да вроде.

– Других слушать любите? Некоторые очень любят разные истории слушать в поездах.

– Не знаю.

– Ну посмотрим. А в общем, вы, по-моему, идеальный попутчик. Давайте представимся. Я – Константин Григорьевич, журналист.

– Алексей Степанович, безработный.

Они пожали друг другу руки.

– Москвич?

– Почти.

– То есть?

– Недалеко от Москвы живу.

– А в Чите у вас кто?

– Все. – Алексей Степанович опустил глаза, не желая больше говорить.

Журналист понял. Он вынул из сумки очки, пачку газет, маленький приемник, шампанское. Приемник и шампанское поместил на столе. Надел очки, развернул газету... За несколько минут он стал приятен Алексею Степановичу. Алексей Степанович мог думать в его присутствии о своем. Когда-то, тридцать лет назад, действительно были все в Чите, и мать и отец и приятели, и сам он там был тридцать лет назад. Алексей Степанович поднял голову. Платформа за окном медленно и тихо уходила назад. Алексей Степанович как будто совсем потерял силы быть реальным человеком, будто все происходило не с ним, как будто не он сидел незаконно в скором поезде. Поезд набирал скорость. Алексей Степанович сидел неподвижно и глядел в окно. Уже Москва-третья осталась позади. Колеса захрохотали – поезд гнал. Через полчаса он проскочит полустанок, где в маленькой квартире ждут Алексея Степановича мать и сын.

В купе вошла проводница в черной форме.

– Простите, – тихо сказал Алексей Степанович, – а телеграмму можно послать? Со станции.

– Конечно, – сказал журналист.

Текст телеграммы был следующий: "НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ ВЫНУЖДЕН ЕХАТЬ ПОЗВОНЮ АЛЕКСЕЙ".

Алексей Степанович не видел, как проскочили его полустанок. Когда проводница вышла, поезд подходил к Загорску. До Читы ехать четверо с лишком суток. Через Оку, Волгу, Енисей, Обь. Через леса, степи, горы, мимо озера Байкал, самого глубокого в мире. Иногда они с журналистом выходили из теплого вагона и поражались чистоте снега и воздуха. Покупали у старух на полустанках горячую картошку и соленые огурцы. Картошку старухи держали в кастрюлях, укрытых в теплые одеяла. И вот поезд ехал среди зимы, а они сидели в купе друг против друга и ели горячую с дымом картошку. Проводница приносила чай в граненых стаканах в подстаканниках, приемник говорил по-английски, – журналист учил язык, читал английскую книжку с видами старинного Лондона, иногда вслух. Алексей Степанович понимал мало. С другими пассажирами Алексей Степанович не знакомился. На четвертые сутки, к ночи, когда уже зажегся в купе синий сумрачный свет и они забрались под теплые одеяла, Алексей Степанович спросил:

– Вы в Чите давно были?

– В прошлом году.

– Город как город, – сказал журналист. – Сопки. Вы где там жили?

– В центре. Напротив танка.

– Танк стоит.

Алексей Степанович молчал, и журналист закрыл глаза. Алексей

Степанович долго не мог уснуть. Прибыли к вечеру. В Москве все темно в этот час, а здесь светло от чистого снега. И прожектора на вышках горели ярко. Поезд встал у первой платформы. Алексей Степанович был уже одет и готов к выходу. Журналист искал очки. Они лежали на верхней полке под светильником.

– Ну что ж, – сказал журналист, спрятал очки и взял сумку. Полная тишина воцарилась в вагоне. Он прошел пустым коридором по узкой дорожке. В отворенные двери шел морозный воздух и звуки: невнятный голос диспетчера, гудок машины, дальний ход поезда, женский смех. Алексей Степанович спустился по железным ступеням, прыгнул, поскользнулся на льду, упал.

Он очнулся в воздухе. Заплакал. Его поставили на обледеневший асфальт.

Мужчина в железнодорожной форме сел перед ним на корточки, заглянул в глаза.

– Ну ничего, подумаешь, до свадьбы заживет. Покажи-ка лоб.

– Где ты живешь? Где твои родители?

Мокрое от слез лицо жгло на морозе.

– Проводить тебя до дому?

– Нет. – Он вытер нос рукавицей.

– Ты уверен?

– Я рядом живу. Я здесь всегда гуляю.

Будто во тьме самой глубокой памяти вспыхнул свет, и разом выступил весь этот город, и каменная мрачная гостиница, и вкус сладкого печенья в ее буфете, и молочный магазин на углу, и стеклянные бутылки в проволочных ящиках, и лицо продавщицы за витриной, и этот сквер, и весь в серебряном инее танк на огромном, как скала, постаменте, и тополь у ворот, и этот дом, и этот узкий, как колодец, подъезд с жаркими чугунными батареями под замерзшими окнами.

Дверь. Звонок. "Мама!" Уже пришли первые гости. Мать поставила на стол лимонный пирог.

Отец стоял на балконе с Федором Николаевичем. Их длинные шинели висели в прихожей. У окна под самый потолок стояла елка. Алеша еще не знал, что это не елка, а молодая сосна. На макушке горела звезда, горели цветные лампочки, сверкала серебряная мишура, стеклянные шары, грецкие орехи в золотой фольге...

– Утром под елкой будут подарки, Дед Мороз приходит ночью, когда дети спят. – Мать уводила его в спальню... Он не хотел уходить ото всех, капризничал.

Постель уже была разобрана. Мать уложила его, поцеловала. Вышла, прикрыла дверь. Стало темно и тихо.

Алексей Степанович был сам собой и этим мальчиком одновременно, но мальчик не знал о его существовании. Мальчик должен прожить тридцать лет, чтобы узнать.

Тридцать лет, – думал Алексей Степанович, – за эти годы я что-нибудь придумаю.

ЗАДАНИЕ 2.

Благодаря новым технологиям интеллектуального анализа проанализировали тексты тысяч романов и выявили шесть основных типов историй представляющих собой базовые структурные блоки для построения более сложных сюжетов:

1. «**Из грязи в князи**» — постепенное улучшение положения от плохого к хорошему.
2. «**Из князи в грязи**» — падение от хорошего положения к плохому, трагедия.
3. «**Икар**» — взлет и падение.
4. «**Эдип**» — падение, взлет и снова падение.
5. «**Золушка**» — взлет, падение, взлет.
6. «**Человек, загнанный в угол**» — падение и взлет.

Приведите примеры произведений, которые можно отнести к каждому из этих типов сюжетов с кратким обоснованием.

Максимальное количество баллов – 30.